
Феномен Трампа и гибридизация мировой политики

Аннотация

Современная мировая политика подвергается мощным процессам гибридизации. Инструментами гибридизации мировой политики выступают новые факторы и явления, такие как гибридные войны, информационные войны, цветные революции, управляемый хаос. Во внутривнутриполитической борьбе в отдельных странах мира появляются неклассические персонажи, вторгающиеся в сферу привычных взаимоотношений и кардинально ее преобразовывающие под себя, ниспровергая устои и нарушая традиции. Такие личности не только гибридизируют внутреннюю политику своих стран, они порождают свой собственный феномен, запускающий механизмы гибридизации политики в мировом масштабе, — феномен Трампа, Чавеса, Лулы да Силва, Путина. Все эти факторы в совокупности позволяют утверждать то, что современная мировая политика носит гибридный характер.

Ключевые слова: международные отношения, мировая политика, выборы, Трамп, безопасность, Россия, США.

Автор

Манойло Андрей Викторович

Доктор политических наук,
профессор кафедры российской политики
факультета политологии
МГУ имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Феномен Трампа

Одним из признаков гибридизации мировой политики является возникновение политического феномена кандидата в президенты, а затем президента США от Республиканской партии, миллиардера Трампа.

Дональд Трамп — совершенно нетипичный представитель американской политической элиты, он кардинально отличается от других президентов США — как демократов, так и республиканцев. Он не принадлежит ни к одной из влиятельных

семей (Кеннеди, Бушей, Клинтонов и др.), считающих политику своей вотчиной, и не подчиняется принятым в их среде законам и неписаным правилам. Трамп является для американских элит выскочкой, способной ниспровергнуть существующий порядок в интересах той самой части общества, которая продолжает верить в истинные ценности демократии. Трамп обещает вывести страну из кризиса, восстановить авторитет и доверие к Соединенным Штатам на мировой арене, и его обещаниям верят. Этим объясняется его феноменальный успех. Между тем, быв-

Феномен Трампа

и гибридизация мировой политики

шие кандидаты в президенты от республиканцев, проигравшие на праймериз Трампу, именно в Трампе видят главную угрозу существованию США и готовы объединиться со своими врагами — республиканцами — ради того, чтобы устранить Трампа с политической арены. Благодаря этим тенденциям Д. Трамп рискует повторить судьбу Д. Кеннеди.

26 мая 2016 г. в США свершилось невозможное: впервые за все время президентской гонки политический лидер из лагеря республиканцев, миллиардер и бунтарь Дональд Трамп получил право стать главным и единственным кандидатом в президенты США от Республиканской партии. За него проголосовало 1 238 выборщиков — делегатов съезда Республиканской партии, который состоится в Кливленде в июле. Для Трампа преодоление этого рубежа — это приобретение своеобразного «контрольного пакета акций» Республиканской партии, 50 % + 1 голос, открывший ему путь к президентству. С этого момента Трамп вышел на прямой путь к заветной цели: на пути у Трампа остались только демократы, которых он уверенно затем смял.

8 декабря 2016 г. Трамп набрал 306 голосов выборщиков против 232 за Хиллари Клинтон.

Хиллари Клинтон, несмотря на все свои президентские амбиции, в реальности не имела против Трампа ни шанса. Хотя бы потому, что в своей предвыборной кампании она копировала жесты, манеры, стиль поведения и даже риторику Трампа, следуя в фарватере нового американского «Че Гевары».

На политическом олимпе США Трамп — настолько примечательная фигура, что ее рассматривают уже не с точки зрения лидерских качеств, а как явление, породившее особый, чрезвычайно сложный для понимания феномен Трампа. Трамп не вписывается ни в одни рамки, ни в одни привычные представления американцев. Он полон противоречий, но эти противоречия органично уживаются в его образе и становятся частью его харизмы. В попыт-

ках подобрать ему аналог Трампа сравнивают то с Кеннеди, то с Годзиллой. При этом вспоминают, что Кеннеди примерно также как и Трамп стремительно начинал свое восхождение на вершины власти, а закончил в Далласе не самым удачным образом. Что, мол, ждет и Трампа, если он не перестанет хулиганить и ниспровергать устои, на которых покоится американское общество. В России Трампа часто сравнивают с Жириновским — они действительно необычайно похожи. При этом, кого из них считать чистым образом, а кого — карикатурой, каждый решает для себя сам.

У феномена Трампа есть довольно простое объяснение. Трамп — настоящий. Он не играет роль политического лидера, способного объединить нацию, он реально живет тем, что делает, и всегда остается самим собой. Трамп — природный харизматичный лидер, типичный народный вожак, способный увлечь и повести за собой толпу. И люди за ним идут. Противники Трампа — как демократы, так и республиканцы — осыпают его насмешками за «отсутствие интеллекта», привычку говорить с американцами простым, простонародным языком, понятным грузчикам, ковбоям и лесорубам и режущим слух выпускникам Гарварда, Стэнфорда, Йеля. Однако именно простым словам Трампа удается глубоко запасть в сердца и души американских граждан, которые затем готовы отдать за него голоса. Услышав Трампа, люди идут именно за ним и порою даже не в состоянии ответить, что именно их к нему влечет. Трамп излучает определенный магнетизм, притягивающий всех, попадающих в зону его персональной гравитации, гипноза.

В фигуре и образе Трампа есть много противоречивого. Он — бунтарь, народный вожак, «срыватель покровов», политический хулиган. Он не просто завоевывает публику, он ее эпатирует, шокирует и доводит своими речами, лозунгами и призывами до состояния полуистерии, до предынфарктного состояния. Он всегда предельно конкретен, он — человек дела, ставший

Тема номера: «Политические выборы в России и за рубежом»

миллиардером благодаря недюжинной воле, упорству и личностным качествам: когда Трамп утверждает, что справится с проблемами Америки и возродит ее величие, народ ему верит практически безоговорочно. Трамп раздает направо и налево обещания, многие из которых — взаимоисключающие, но простые граждане все ему прощают. Это отношение к Трампу просто бесит политические элиты США.

И самое главное: Трамп в большой политике не идет проторенными путями, он разрывает шаблоны и навязывает своим соперникам свой стиль и свои приемы политической борьбы. Даже главный противник Трампа — сенатор Хиллари Клинтон, во время президентской кампании 2016 г. была вынуждена копировать его методы работы с электоратом и даже политическую риторику: именно Трамп впервые взорвал мозг американцев своим заявлением о том, что с Россией надо не воевать, а дружить, потому что это великая страна, а Клинтон затем все это слово в слово повторила. За эти «новации» Трампа почти на зоологическом уровне ненавидят не только его противники демократы, но и его заклятые друзья по Республиканской партии: Трамп — человек не их круга, для представителей «старых семейств», прибывших в США еще на «Мэй Флауэр», он выскочка, которого обязательно надо проучить — в назидание потомкам и возможным последователям. В их общем понимании избрание Трампа президентом США несет для страны даже большую угрозу, чем «неоимперские» амбиции восходящей России. Трамп уничтожит Америку, его надо остановить любой ценой. Ради этой цели республиканцы готовы объединиться с демократами даже в ущерб интересам своей партии. Воистину, ненависть объединяет, а абсолютная ненависть к Трампу объединяет абсолютно.

При всей своей эксцентричности, Трамп — очень сильный соперник. В то время как его соперники — как демократы, так и республиканцы — рассматривали свою роль в политике как особую,

«одобренную свыше» миссию, несущую свет, ценности и свободы, Трамп относился к политике как к проектной деятельности: для него выборы президента — это бизнес-проект, ничем не отличающийся от проектов, которыми Трамп руководит в бизнесе. Трамп может себе позволить идти наперекор устоявшейся политической традиции и правилам игры потому, что он независим: он имеет собственный капитал, из которого финансировал свою кампанию. Он не зависел от спонсоров, дающих деньги кандидатам под вполне определенные цели. В ценностном плане Трамп — сторонник сильного государства, возрождения мощи и авторитета США, сильно упавшего в период президентства Обамы; он сторонник решительной борьбы с финансовыми «пузырями». Но, если США в плане восстановления государственности покажутся Трампу безнадежными, он поступит с ними так же, как поступают в бизнесе с безнадежно убыточными проектами: разделит и распродаст по частям.

В отличие от избирательной кампании Трампа, стратегия президентской кампании Хиллари во всем повторяла кампанию Обамы. Образ Клинтон — это слепок, реплика с образа Обамы, а сама кампания демократов была попыткой продвинуть в Белый дом точно такого же экзотического президента, каким был Обама на протяжении всех лет своего правления. Демократы не предлагают США ничего нового, в то время как Трамп не имеет аналогов в истории США, и не только их одних. Именно поэтому сенатор Хиллари Клинтон против Трампа не имела ни шанса.

Есть еще один эффект, связанный с феноменом Трампа: с фигурой Трампа связывают надежды на то, что с его приходом в Белый дом все изменится и мир никогда уже не будет прежним. На эмоциональном уровне это выражается в особом рода предчувствии, которое витает в умах, по меньшей мере, половины населения земного шара. Особенно много надежд на Трампа возлагают в России,

Феномен Трампа

и гибридизация мировой политики

считая его тем человеком, который, наконец, разорвет порочный круг санкций и «прорубит окно в Россию», основательно заколоченное перед этим Обамой. И в российско-американских отношениях наступит долгожданная оттепель.

Жизнь, однако, не всегда дает поводы для одного только оптимизма. С приходом в Белый дом Трампа внешняя политика США по отношению к России вряд ли изменится: заявления Трампа о необходимости срочно налаживать отношения с российским руководством, срочно «звонить Путину», скорее отражают желание миллиардера сойтись в драке с противником на более близкую дистанцию. Трамп упрям и настойчив, он не отступит и не признает российского превосходства, пока ему не расквасят нос. Именно поэтому России ждать исторических поворотов от Трампа пока не приходится. Он не отменит санкции, хотя сам бы их на месте Обамы никогда бы не стал вводить: в сложившихся условиях он постарается поиграть этим инструментом, хотя бы для того, чтобы окончательно убедиться в его бесполезности. Но, даже сохраняя прежний формат отношений с Россией, Трамп столкнется с колоссальным сопротивлением элит и расколом американского общества: одной из реакций на приход Трампа в Белый дом может стать распад США на несколько фрагментов — по сценарию, приведшему в свое время Соединенные Штаты к гражданской войне Севера и Юга. Американское общество ждет раскол. Трамп как политический лидер обладает способностью этот раскол предотвратить и собрать распадающееся государство в единое целое, в монолит — для этого у него есть воля, решимость и необычайное упорство. В частности, Трамп жестко подавит любые попытки техасских сепаратистов к отделению и, вероятно, решит техасскую проблему надолго. Но станет ли Трамп это делать — сам по себе очень большой вопрос.

В случае прихода Трампа к власти Америку ждет непростой период. Трамп

либо восстановит мощь и авторитет США в меняющемся мире, либо будет способствовать их окончательному краху. Он демонтирует Pax Americana и сконцентрируется на внутренней борьбе с элитами, которые обязательно поднимут против него мятеж. При Трампе США погрузятся в решение внутренних проблем, устранение расколов, и им будет не до России, Украины, Сирии. Мир, наконец-то, может быть, вздохнет спокойно.

Цветные революции как «отмычка для демократии»

Одним из важнейших факторов гибридизации мировой политики сегодня становятся цветные революции. В современной мировой и российской политике цветные революции — одна из самых актуальных тем, держащих общество в состоянии постоянного напряжения: именно они указаны в новой Стратегии национальной безопасности¹ одной из наиболее опасных угроз безопасности РФ. Именно цветная революция, получившая странное название «евромайдана», превратила в 2014 г. в руины Украину — некогда процветающую страну, в которой ВВП прирастал на 4 % в год; именно с цветной революции начались вооруженные конфликты в Ливии и Сирии. В Бразилии цветная революция происходит прямо сейчас: эту технологию используют для того, чтобы отстранить президента Дилму Роусефф, не идущую на поводу у США. И сейчас российские и зарубежные центры либеральной демократии время от времени примеряют сценарий цветной революции к России, надеясь свергнуть в это безумие страну, мужественно отстаивающую свой суверенитет и национальные интересы в условиях беспрецедентного

¹ См.: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации // Интернет-портал «Российской газеты» — URL: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>.

Тема номера: «Политические выборы в России и за рубежом»

внешнего давления со стороны западных «партнеров». Однако это у них вряд ли получится: мы сумеем себя защитить.

Цветные революции — это технологии организации государственных переворотов в условиях искусственно созданной политической нестабильности, в которых давление на власть осуществляется в форме политического шантажа, а инструментом шантажа выступает молодежное протестное движение, организованное по специальной схеме. При этом единственной целью любой цветной революции является организация государственного переворота, выдаваемого за стихийные протестные явления и массовые акции гражданского неповиновения. Необходимым условием успешности цветной революции является обязательное наличие в стране политической нестабильности, способной перерасти в полноценный политический кризис.

Несмотря на существенные различия государств, в которых происходят цветные революции, между собой (в геополитическом, социальном, экономическом плане и международном положении) все цветные революции укладываются в одну и ту же организационную схему, предполагающую организацию по шаблону молодежного протестного движения, преобразования его в политическую толпу и использование этой силы против действующей власти в качестве инструмента политического шантажа. Это прямо указывает на то, что цветные революции в принципе не могут быть реализацией объективных надежд и стремлений большинства населения. При этом у них есть свои особые отличительные черты: в цветных революциях воздействие на власть всегда осуществляется в особой форме — политического шантажа; основным инструментом воздействия на власть выступает молодежное протестное движение.

Цветные революции только внешне напоминают настоящие революционные движения — в отличие от революций настоящих, вызванных объективным разви-

тием исторического процесса, цветные революции — это технологии, успешно маскирующиеся под стихийные процессы. Они отличаются почти театральным уровнем драматургии, который западные политологи старательно пытаются выдать за самопроизвольное и стихийное проявление воли народа, внезапно решившего вернуть себе право управлять собственной страной.

Цветные революции используют фактор военной силы как сервисную функцию, к которой их сценаристы и технологи прибегают в случае крайней необходимости. Тем не менее нельзя не обратить внимание на тот факт, что современные цветные революции действительно создают условия и поводы для последующей военной интервенции.

Модель, лежащая в основе цветной революции, одна: это создание протестного движения, превращение его в политическую толпу и направление ее агрессии на действующую власть с целью заставить ее добровольно уйти с государственных постов и отказаться от управления страной. Такое давление на власть всегда происходит в форме шантажа, выдвижения ультиматумов под угрозой массовых погромов и — реже — физических расправ с инакомыслящими. Если власть начинает сопротивляться, цветная революция переходит в фазу вооруженного мятежа. Иногда этот мятеж сопровождается вооруженной интервенцией со стороны западных стран, как это было в Ливии и едва не произошло в Сирии.

В цветных революциях используется особая символика, цель которой — запустить механизм распознавания «свой — чужой», благодаря которому участники протестных акций опознают друг друга в политической толпе и, одновременно, идентифицируют противников, не имеющих соответствующих опознавательных символов (маркеров). На протяжении длительного времени типичным символом цветных революционеров были цветы: розы в Грузии, тюльпаны в Киргизии, васильки

Феномен Трампа

и гибридизация мировой политики

в Беларуси, жасмин в Тунисе и т. д. Природа происхождения этих «цветочных» символов и атрибутов предельно проста — она лежит в архетипах исторической памяти американцев, помнящих движение хиппи — «детей цветов», выражавших особым образом свой протест по отношению к государству и проводимой им политике. Это сразу выдает в сценариях цветных революций характерный почерк североамериканских англосаксов. Кроме того, в выборе цветочной символики кроется стремление сценаристов цветных революций с помощью цветков в руках протестующих женщин, подростков подчеркнуть «ненасильственный» характер цветной революции, тем самым замаскировав совершающийся государственный переворот.

Цветные революции часто называют технологиями или инструментами «мягкой силы». Этот подход, основанный на принципе аналогии (внешне цветные революции — это несилловые технологии смены политических режимов), вводит в заблуждение, заставляя считать цветные революции более мягкой и поэтому более прогрессивной и менее социально опасной формой воздействия на авторитарные режимы. Тем самым разворачивается кампания по пропаганде цветных революций в пику любым формам собственно вооруженных переворотов. Между тем, цветные революции — это не что иное, как организационная форма осуществления государственного шантажа (то есть шантажа, объектом которого является независимое и суверенное государство), маскирующегося под легендой и лозунгами национальной революции. Это инструменты взлома демократических режимов переходного типа, скопированных с англосаксонских образцов незападными странами, которые имеют признаки имитационности. Можно утверждать, что американцы не только создали модель демократического устройства государства, ориентированную «на экспорт», но и позаботились о создании специальных инструментов, предназна-

ченных для ее слома и демонтажа, если в этом вдруг возникнет необходимость. В современном мире такими инструментами, играющими роль своеобразных отмычек для взлома политических режимов западного либерального типа, и являются технологии цветных революций.

Гибридное измерение информационных войн

Информационные войны в современном мире стали одним из основных и уже привычных факторов окружающей нас действительности. Каждый из нас ежедневно оказывается в фокусе действия той или иной информационной атаки, несущей заряд убийственной агрессии, направленной как на общество в целом, так и на сознание каждого человека в отдельности. Технологии информационных войн, основанные на манипулятивном управлении политическим сознанием и поведением граждан, исключительно опасны: их главная задача — разделить и поляризовать общество, разорвать его на множество клочков и фрагментов, заставить эти фрагменты искренне ненавидеть друг друга с тем, чтобы затем столкнуть их между собой, инициировав борьбу на уничтожение, или объединить их агрессию в единый поток и направить его против действующей власти. При этом цель информационной войны — сломить волю противника к сопротивлению и подчинить его сознание своей воле. Высокая эффективность информационных атак и растерянность, являющаяся типичной реакцией большинства стран на акции информационной войны, делает информационные войны одним из основных элементов современных гибридных войн, таких как война в Сирии или конфликт в Украине.

Технологии информационных войн активно и весьма охотно применяют не только страны Запада (прежде всего, США, где термин «информационная война» официально закреплен в боевом

Феномен Трампа

и гибридизация мировой политики

уставе Армии США «Психологические операции»), но и международными террористическими организациями и группировками, такими как запрещенные в РФ «Исламское государство», Аль-Кайда. ИГ по всему миру ищет, вербует или просто нанимает на работу высококлассных специалистов в области кибервойны и информационного противоборства, которые в информационно-идеологическом поле вполне успешно конкурируют с силами специальных операций стран Запада.

В информационных войнах, ведущихся США по всему миру, американские специалисты используют шаблонную, стандартную схему многокаскадной операции с положительной обратной связью, мишенями которой становятся первые лица неугодных Вашингтону государств и политических режимов. Схема этой операции представлена на рисунке 1. «Панамский вброс» является типичным примером такой операции и полностью укладывается в приведенную в статье схему.

Стандартная американская операция информационной войны, схема которой приведена на рисунке 1, использует сочетание итерационной схемы последовательных вбросов компрометирующей информации со специальным механизмом коррекции, позволяющим тонко настраивать схему информационного воздействия под индивидуальные особенности ответной психологической реакции объекта (мишени) атаки. Реализуется такой механизм на практике посредством положительной обратной связи, предполагающей обязательное «считывание» и анализ ответной реакции объекта атаки после каждого информационного вброса (которых в операции информационной войны может быть несколько) и внесение соответствующих корректирующих изменений в исходную схему информационной атаки. Особенности американского стиля ведения информационных войн заключаются в том, что американцы просто не могут нормально работать без обратной связи с мишенью атаки: считывая ее ре-

акции, организаторы операции понимают, что они все делают правильно (если мишень демонстрирует именно те формы поведения, которые являются ожидаемыми и вписываются в сценарий атаки) и что «все идет по плану». Если обратная связь, по каким-либо причинам, разрывается, американских политтехнологов охватывает состояние истерии и паники.

Наиболее часто объектом информационной атаки становятся первые лица государства — президент и премьер: с них, как правило, информационная война и начинается. Причина этого предельно проста: первые лица всегда находятся под прицелом, они ведут публичный образ жизни, каждый их шаг, каждое их действие или движение рассматривается сквозь лупу. То, что прощается любому публичному политику, даже самому высокопоставленному и известному, никогда не прощают лидерам государства: они часто просто не имеют права на ошибку, что в определенном смысле роднит их с саперами. В силу своей публичности именно первые лица государства выступают главными ньюсмейкерами и производят большинство резонансных инфоповодов, которым затем дают свою интерпретацию национальные и зарубежные СМИ. Информационная война всегда разворачивается вокруг первых лиц, их действий, реакций на те или иные события, которые на первоначальном этапе тщательно прощупываются и тестируются с помощью заведомо провокационных вбросов ложной информации, запуска в социальных сетях вирусного контента, распространения слухов и сплетен, способных эмоционально «зацепить» хотя бы одного из первых лиц государства и вызвать его ответную реакцию, эмоционально окрашенную реакцию.

Особую роль в информационных войнах играют средства массовой информации и коммуникации (СМИ). Они играют роль, с одной стороны, канала доведения информационного воздействия до конкретной целевой аудитории (политических элит, лидеров мнений, широких

Тема номера: «Политические выборы в России и за рубежом»

слоев общественности, политически активной молодежи), с другой — выступают непосредственным участником конфликтного взаимодействия. В современных конфликтах СМИ активно используются как средство дезинформации и пропаганды, как инструмент манипулирования общественным мнением, массовым сознанием и поведением граждан, как инструмент прямого давления на оппонентов. Именно через так называемые «независимые» СМИ спецслужбы осуществляют вбросы («контролируемую утечку») информации, компрометирующей их соперников, дестабилизирующей политическую обстановку в различных странах, инициирующей массовые протесты в стиле цветных революций. СМИ также имеют обыкновение выдавать непроверенную информацию за достоверную, если в ней содержатся элементы сенсационности, тем самым способствуя ее легализации. Экстремисты часто используют СМИ для усиленного разжигания националистических, экстремистских настроений даже в тех регионах, где эти противоречия уже давно не проявлялись; именно прозападные, демократические СМИ формируют романтический образ цветных революций в тех странах, где осуществляются «цветные» государственные перевороты, они же затем легитимируют хунты, пришедшие к власти. Западные СМИ активно участвуют в формировании образов стран-изгоев (в эту категорию попадают все страны, проводящие независимую от США внешнюю политику), провоцируя новые международные конфликты и столкновения.

В качестве субъектов информационных атак часто привлекаются «независимые журналисты», выполняющие политический заказ. Эта «темная сторона» деятельности современных СМИ связана с тем, что современные СМИ фактически не могут быть независимыми: журналисты зависят от мнения главного редактора и редакционной политики, которая для них является своего рода корпоративной цензурой; редакторы изданий зависят от

владельцев СМИ и от спонсоров, которые напрямую диктуют, в каком ракурсе журналисты должны подавать те или иные события; боязнь потерять источники финансирования делает современные СМИ даже в демократических странах чрезвычайно зависимыми и несвободными. Единственная свобода, которая еще пока остается у журналистов, — уволиться, если его собственные взгляды не совпадают с мнением редакции. Но очень немногие пользуются этим правом, предпочитая путь конформизма.

Особое внимание заслуживают технологии, применяемые в современных информационных войнах и распространяемые по каналам СМИ. Наряду с более сложными технологическими схемами в информационных войнах используется целый ряд простых приемов. Наиболее распространен среди них метод «наклеивания ярлыков». Работает он так: в отношении одного из первых лиц государства вбрасывается информация компрометирующего характера, в которой он без каких-либо веских оснований объявляется коррупционером. Первоначальная реакция на такие обвинения, как правило, носит эмоциональный характер: попытка наклеить ярлык коррупционера воспринимается как чушь, дикость, абсурд. Однако ассоциативная связь между личностью политика и образом коррупционера при этом в сознании граждан все же выстраивается, а яркая эмоциональная реакция эту связь закрепляет. В результате, спустя некоторое время, образы лидера и коррупционера в сознании человека совмещаются и ярлык коррупционера прочно «приклеится» к личности конкретного политика. «Отодрать» или «отмыть» его затем будет очень непросто. Именно этот прием «наклеивания ярлыков» был использован Западом в информационной войне против лидера российского государства, сначала на базе извлеченного из нафталина «Дела Литвиненко», а затем и благодаря известному фильму про коррупцию в России, показанному по британ-

Феномен Трампа

и гибридизация мировой политики

скому телеканалу ВВС — 2. Появился даже особый термин — «демонизация Путина», связанный с непрерывным наклеиванием новых ярлыков поверх прежних на один и тот же объект информационных атак.

Не менее распространенным в современных информационных войнах является метод так называемых «пробных шаров», которыми прощупываются эмоциональные реакции первых лиц на различные внешние раздражители. Действует он так: в отношении одного из первых лиц государства выдвигаются обвинения заведомо оскорбительного характера: к примеру, лидера и его страну ни с того ни с сего объявляют угрозой всему демократическому миру и ставят в один ряд с вирусом Эбола и с ИГ. Эти обвинения сконструированы так, чтобы они вызывали настойчивое желание «мощно ответить»; они служат своего рода приманкой, провоцирующей политика на ответные заявления столь же эмоционального характера. Если провокация удалась и лидер эмоционально ответил на «обвинения Запада», объектом информационной атаки становится уже конкретная эмоциональная реакция конкретного лидера, а первоначальные обвинения сразу же «забываются». Метод «пробных шаров» работает очень точно и без перебоев, но в его функционировании есть одна особенность: он всегда должен получать «обратную связь» от объекта информационной атаки (то есть от самого лидера), которая дает возможность организаторам информационной атаки контролировать процесс. Если по каким-то причинам обратная связь теряется — так, как это было перед Олимпиадой в Сочи, когда Президент РФ на неделю исчез из публичного пространства и западные политтехнологи, перестав получать от него «обратную связь» на свои информационные выпады, потеряли связь с реальностью и запаниковали.

Довольно часто информационные атаки, в которых в качестве объекта критики фигурирует первое лицо, направлены не на него самого, а на элиты, которые его

оказывают. Эти элиты в условиях санкций и нарастания международной напряженности могут испытывать различного рода колебания, которые очень тонко улавливаются организаторами информационных войн и затем умело раскачиваются по принципу маятника. Эта технология была применена в Югославии для свержения Милошевича: его, фактически, сдала собственная элита после того, как ей намекнули на то, что те, кто будет и дальше поддерживать Милошевича, через некоторое время разделят его участь. Недавний фарс с оглашением приговора Караджичу также является информационным поводом, раскручивая который, Запад вполне прозрачно намекает на то, что любой лидер, выступающий против воли США, в конечном итоге может повторить участь Милошевича, Караджича, Каддафи.

Именно на российскую политическую элиту был направлен недавний вброс информации о панамских офшорах, получивший название «панамское досье». В центре скандала оказалась панамская юридическая фирма «Mossack Fonseca», занимающаяся разработкой и организационно-правовой поддержкой офшорных схем. Ключевым участником раскручивания скандала стали западные либеральные СМИ, поддержанные некоторыми либеральными СМИ внутри России (такими как РБК).

В руки так называемых журналистов «Международного консорциума» попала информация, украденная у панамской юридической компании. То есть «независимые» журналисты стали фактически перекупщиками краденого. В большинстве стран мира за это полагается уголовная статья и реальные сроки. Однако в данном случае новоявленных борцов против офшоров никто не тронул: напротив, на Западе из них сделали героев, попытавшихся поймать за руку на «грязных махинациях» людей, обладающих в современном мире реальной властью и влиянием. Правда, как показал киевский майдан, «хороший герой — мертвый герой», об этом журналисты-идеалисты, рискнувшие ради сла-

Тема номера: «Политические выборы в России и за рубежом»

вы (или на возмездной основе) вязаться в сомнительную игру с явно крапленными картами, вероятно, забыли. Саму кражу, как обычно, «повесили» на неустановленного «осведомителя» немецкой БНД, который по заданию все той же разведки искал в панамских офшорах следы деятельности немецких граждан, уклоняющихся от налогов, а наткнулся на след, ведущий к президентам Украины, Аргентины и едва ли не в сам Белый дом. Именно эту информацию на неграждан Германии БНД добросовестно «слил» СМИ, компенсируя, тем самым, расходы, выплаченные осведомителю. Что ж, в условиях острого миграционного кризиса в Европе и разведчикам жить на что-то надо.

Любопытно, что если бы подобного рода материалы передал журналистам Сноуден или любой другой его идейный последователь, возмущенные граждане США порвали бы его «на британский флаг», заклеили предателем национальных интересов и вечным позором. Здесь же наблюдается полная тишина: никто не возмущается, мягко говоря, сомнительным происхождением «панамского досье», потому что это может посеять сомнения по поводу их подлинности. Это наводит на мысль, что в случае с «панамским досье» мы имеем дело с хорошо сделанным фальсификатом, в который, ради создания иллюзии достоверности, вложены подлинные документы, раскрывающие реально существующие офшорные схемы президентов Украины, Аргентины, ряда заметных (но не крупных) европейских политиков и бизнесменов. И все это вбрасывается по схеме, блестяще отработанной на практике на примере проекта WikiLeaks.

Кстати, именно WikiLeaks всего через три дня после начала «панамгейта» заявил, что «скандал с панамским офшором заказан Вашингтоном и направлен против Путина». Это такая типичная для информационных операций «повторная подсветка» исходного события с «правильной» (корректирующей) его интерпретацией: тем, кто не понял, добрые дяди из

Лэнгли доходчиво объяснили, что связь «панамского досье» с первыми лицами российского государства существует, эта связь прямая и явная.

В стратегическом плане цель развязанной против России информационной войны довольно проста: любыми способами расшатать и расколоть российскую политическую элиту. Скандал с офшорами — тот самый инструмент, который реально способен ее расколоть: одна часть ее будет в значительной степени деморализована и запугана, другая — наоборот, перевозбуждена и настроена на «решительный отпор». В ситуации экономического кризиса и сильного внешнеполитического давления такой психологический диссонанс между сторонниками прекращения конфликта с Западом и теми, кто готов немедленно нанести по «врагу» превентивный удар, может привести к расколу со всеми вытекающими последствиями. Уже сейчас в действиях элиты просматриваются попытки организовать «кавалерийскую контратаку» на западные центры информационной войны — попытки, плохо скоординированные и, следовательно, имеющие большой шанс угодить в умело расставленную ловушку или повестись на провокацию. Постоянное напряжение в этом вопросе поддерживает сам фактор неизвестности: никто не знает, какие именно материалы будут во второй части «панамского досье», и каждый примеряет это досье на себя. А, как известно, ожидание смерти — хуже самой смерти. Тем более что «честные журналисты» из ICJ уже поспешили заявить, что раскроют материалы и по другим офшорным зонам, но ради интриги не уточнили, каким именно.

При всей своей опасности, информационные войны все же не являются «смертельным оружием»: в этой войне побеждает тот, кто умеет предсказать действия своих противников на несколько шагов вперед. И затем нанести удар, который не ожидают. Как в Сирии. В этом плане особого внимания заслуживает деятельность российских каналов иннове-

Феномен Трампа

и гибридизация мировой политики

щания, таких как RT и радио «Спутник», которые успешно доводят российскую точку зрения до зарубежных (в том числе западных) аудиторий: RT смотрят даже в США, что вызывает озабоченность Государственного департамента. Не случайно Дж. Керри, выступая в Конгрессе, около

года назад заявил, что «русские СМИ работают настолько эффективно, что они уже влияют на формирование общественного мнения в самих Соединенных Штатах», и «нам надо создать такие же СМИ, способные противостоять русской пропаганде».

Литература

1. Внешняя политика России в условиях глобальной неопределенности: монография / под ред. П. А. Цыганкова. — М.: Издательство «Русайнс», 2015. — С. 84–114.
2. Карпович О.Г., Манойло А. В. Цветные революции. Теория и практика демонтажа современных политических режимов. — М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2015. — 111 с. ISBN: 978-5-238-02631-2.
3. Манойло А. В. Цветные революции и проблемы демонтажа политических режимов в меняющемся мире. / Электронный журнал «Вестник МГОУ» / www.evestnik-mgou.ru, 2015. — № 2. — С. 1–14.
4. Манойло А. В. «Убить котенка», или Как действуют технологии конфликтной мобилизации в социальных сетях // Конфликтология / nota bene. — 2015. — № 2. — С. 104–107. — DOI: 10.7256/2409–8965.2015.2.15851.
5. Роль технологий «мягкой силы» в информационном, ценностно-мировоззренческом и цивилизационном противоборстве / Академия военных наук, Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности, кафедра информационной аналитики и политических технологий МГТУ имени Н. Э. Баумана / Под общ. ред. И. В. Бочарникова. — М.: Изд-во «Экон-Информ», 2016. — 306 с.